

Евгений Деменок

Тцара без бровей

Ночь была дождливой. Мы с женой лежали в кровати на втором этаже пражской виллы Винтерниц, кутались в толстые одеяла и с некоторым испугом прислушивались к незнакомым звукам, время от времени доносившимся из глубин дома. Дом был не просто домом, а построенной знаменитым Адольфом Лоосом виллой, и мы ночевали здесь впервые. Те, кто когда-то в первый раз ночевал в большом и чужом доме, нас поймут. К счастью, все три двери, ведущие в спальню, закрывались на ключ, и мы предусмотрительно заперлись изнутри, оставив, однако, приоткрытым окно, ведущее на террасу. Дождь шумел за окном, барабанил по крыше и полу террасы, и я долго ворочался, перекладывая подушку то в изголовье кровати, то в ее ноги в поисках лучшей позиции для сна. Сон долго не приходил, а когда все же пришел, оказался более чем странным.

В большой, залитой светом мастерской какого-то художника с холстами, повернутыми к стенам, и большим мольбертом посредине о чем-то оживленно беседовали трое мужчин и одна девушка. Я почему-то не слышал ни слова из их разговора – словно смотрел немое кино. Один из мужчин, постарше, с почти демоническим лицом, разворачивал перед тем, что помоложе, какие-то большие листы, судя по всему, чертежи. Листы эти постоянно задевали шахматы, стоявшие в сложной позиции на доске, но это почему-то никого не смущало. Второй, невысокий, с моноклом в глазу, рассматривал их внимательно, не забывая при этом обнимать время от времени миловидную девушку приятной полноты, периодически шепча ей что-то на ухо, отчего та каждый раз

начинала хохотать, закидывая голову назад. Третий, художник, – догадаться об этом было нетрудно по испачканному красками халату – с улыбкой смотрел на всех троих, периодически что-то им говоря. Идиллия эта прекратилась в один миг – они одновременно повернулись в мою сторону, словно до этого не догадывались о моем присутствии, а тут вдруг заметили, в одну секунду замолчали, и улыбки на лицах всех четверых сменились замешательством и даже тревогой.

Прямо-таки немая сцена из «Ревизора».

Тут за окном громыхнуло с такой силой, что я проснулся. Проснулся и не сразу понял, куда пропали все четверо. Казалось, секунду назад они еще были в комнате.

Дождь тем временем шумел все громче, однако начало светать. Вылезать из-под одеяла не хотелось, и я снова забылся коротким тревожным сном. На сей раз он был без сновидений.

В отличие от ночи, утро было прекрасным. Робко поначалу пробившись сквозь тучи, солнце постепенно растопило их своим теплом, и мы вышли в сад, чтобы выпить кофе под большой черешней, с которой уже можно было смело срывать плоды. Черешни в этом саду росли уже тогда, когда Йозеф Винтерниц, преуспевающий пражский адвокат, заказал Адольфу Лоосу проект своего дома. Конечно, Винтерниц прекрасно знал, кто такой Лоос, и понимал, что его новое жилище будет выглядеть революционно даже для привыкшей к экспериментам Праги. Понимал он и то, что, скорее всего, заниматься строительством будет вовсе не Лоос, а его многолетний чешский соратник, пльзеньский архитектор Карел Лгота. Но для того чтобы твой дом вошел в историю, достаточно подписи Лооса под чертежами. В конце концов тот был уже совсем болен – и вилла Винтерниц стала его последним законченным при жизни проектом.

Мы влюбились в этот дом с первого взгляда. Удивительно было находиться там одним – сидеть в креслах в зале, листать книги в библиотеке, завтракать в столовой и даже принимать душ в ванной. Я и не предполагал, что простая черно-белая гамма плитки вызовет у меня такой восторг.

А терраса... Терраса, с которой видна вся Прага, оказалась чуть ли не главным местом в доме.

У Лооса нет ничего лишнего. Кажущиеся аскетическими интерьеры восхищают своей гениальной простотой. Солнечный свет, пробиваясь сквозь желтые шторы, делает комнаты теплее. Красный линолеум на полу в комнатах, морковный с синим на лестнице кажутся удивительно гармоничными. Ну а гостиная с белым цветом стен, деревянными панелями и кирпичным камином выглядит роскошно и безукоризненно.

Еще вечером на экскурсии мы узнали о трагической судьбе еврейской семьи Винтерниц. После завтрака мы вновь разглядывали фотографии их всех – самих Йозефа и Дженни, их детей Петера и Зузаны, внуков и правнука. Пытались разобрать мелкий почерк на копиях документов – вот подпись Лооса, вот письма Лготы к Винтерницам с просьбой заплатить еще денег, потому что он отдал Лоосу основную часть, а тот свою часть работы не сделал... Эстетический восторг, волнение от соприкосновения с историей смешивались с саднящей грустью. В 1941 году нацисты конфисковали виллу, семью Винтерниц отправили сначала в Терезин, а потом в Освенцим. Мужчины погибли в газовой камере, женщины, работавшие у станка, чудом выжили. И даже попытались вернуть себе свой собственный дом, в котором в военные годы работал скульптор, но новая, уже коммунистическая власть ввела такие налоги, что им пришлось договориться с государством о передаче ему виллы просто за их списание. Дженни с Зузаной так и не смогли вернуться домой.

В счастье, после Бархатной революции виллу наследникам вернули, те смогли ее реконструировать и вдохнуть в шедевр великого архитектора новую жизнь. Жизнь, в которой есть место не только концертам и выставкам, но и приватным ночевкам для смельчаков.

Да, утро было прекрасным, но сон все не шел у меня из головы. Во-первых, он был необычайно ярким. Во-вторых, интригующим, ведь я сразу узнал двоих из тех четверых, что находились в комнате. Собственно, человека с демонической улыбкой невозможно было не узнать – у Лооса была очень характерная внешность. Мужчина с моноклем был, несомненно, Тристаном Тцарой, кумиром определенного периода моей молодости.

Двух остальных я не знал, и теперь главным моим желанием было узнать о том, кто они, и понять, что вся эта сцена означала.

Подробно рассказать жене о своем сне получилось лишь вечером.

– Постой. Тебя же кто-то приглашал в пражскую мастерскую Тцары, – тут же сказал она. – Ты еще удивлялся – разве он бывал в Праге?

И точно. Как я мог забыть? Петр Банков, выдающийся дизайнер, давно приглашал меня в свою студию и упоминал, что в ней когда-то останавливался отец-основатель дадаизма.

На следующий же вечер я был у него, в чудесном доме на Яначковой набережной, прямо у Влтавы.

– Разве ты разве не знал, что у Тцары был роман с чешской актрисой Наташей Голловой? – удивленно спросил Банков. – Они познакомились в Париже, а потом, когда он приезжал в Прагу, он останавливался здесь, чтобы быть поближе к Наташе, которая жила в соседнем доме.

– Откуда ты это знаешь?

– Соседи сверху рассказали. Уже после того, как я купил эту мастерскую.

Это звучало настолько невероятно, что я, конечно же, не поверил. И, вернувшись домой за полночь и в приподнятом настроении, погрузился в Гугл.

Наташа Голлова, урожденная Ходачова, свое имя получила в честь Наташи Ростовской, а псевдоним взяла в память о деде, историке Ярославе Голле. Родилась в богатой семье в Брно, с детства изучала танец и актерское мастерство, говорила на пяти языках, ездила верхом и музицировала. Отец ее был членом парламента, профессором Чешского технического университета, старший брат стал знаменитым автогонщиком. В 1932-м она снялась в своем первом фильме, комедии «Идеальный школьный учитель». Комедия станет ее коньком.

В том же году двадцатилетняя Наташа впервые попала в Париж. Вместе с танцевальным ансамблем она завоевала на международном конкурсе бронзовую медаль, а еще встретила свою первую любовь. В мастерской у Йозефа Шимы, которому она познакомилась, она познакомилась с Тристаном Тцарой. Бурный роман

длился несколько месяцев, но в конце концов она решила вернуться домой. Тцара за ней не поехал.

Карьера ее стремительно развивалась – она входила в труппу Театра на Виноградах, а в 1939-м снялась в комедии «Ева делает глупости», которая принесла ей невероятную популярность. «Лида Баарова – самая красивая, Адина Мандлова – самая соблазнительная, а Наташа Голлова – самая образованная», – так говорили о трех главных звездах чехословацкого кинематографа периода Первой республики.

После Второй мировой всех троих обвинили в сотрудничестве с нацистами.

Если говорить о Голловой, то сотрудничеством это можно назвать с большой натяжкой – в кино она снималась нечасто, но, правда, закрутила роман со «смотрящим» за чешским кинематографом, продюсером Вилли Согнелем, и несмотря на то, что после войны волонтером поехала в концлагерь Терезин, где заболела тифом, съемок во время войны ей так и не простили. В кино она вернулась лишь в 1951 году, но былой славы уже не снискала.

А в марте 1946-го в Прагу приехал с лекциями Тцара – и, конечно же, сразу встретился с Наташей. Вот тогда-то он и останавливался то ли у нее, то ли по соседству. Наташа жила в доме номер тридцать три, мастерская Банкова находится в доме тридцать первом. Все сходится.

Правда, в Париж Тцара вернулся сам – Наташа была невыездной. А год спустя она вышла замуж за режиссера Карела Константина, который помог ей вернуться на сцену. К несчастью, он был алкоголиком, а в семейной жизни болезнь эта заразная. Несчастливая и полузабытая Голлова умерла в возрасте семидесяти шести лет в своем доме на Яначковой набережной.

Итак, картина начала проясняться. Двое остальных в моем сне – это, вне всякого сомнения, Шима и Голлова. В общем, я узнал всех четверых. Ликованию моему не было предела.

Теперь оставалось понять, почему все они так напряглись, увидев меня в мастерской. Ну и, конечно, что вообще все это означало.

Утром я рассказал обо всем жене.

– Ты уверен в том, что они увидели именно тебя? – с иронией спросила она, прослушав подробный рассказ о моих потрясающих открытиях.

Сначала я возмутился, но потом...

– Ты права... Мне еще показалось странным, что я смотрел на всех свысока, как будто был высокого роста, и даже во сне это меня удивило.

Весь день я перебирал и отбрасывал варианты, и вечером, не выдержав, вновь усадил жену перед собой.

– Давай порассуждаем вместе. Дело происходило в Париже? В Париже. Там бывали все, потому гадать можно бесконечно. Попробуем сузить поиски. Кем мог быть мой герой? Художником? Вряд ли. Художником там был один Шима, а поразились моему появлению все. «Я» был чехом? Тоже не подходит, вряд ли Лоос и тем более Тцара знали так много чехов, чтобы сразу узнать меня...

– Постой. В каком это было году?

– В тридцать втором, Голлова была в Париже только тогда.

– И кто, говоришь, ее обнимал?

– Тцара.

– Он был к тому времени женат?

– Сейчас погуглю... Да, был, на шведке Грете Кнутсон.

– Она была высокой?

– Скорее всего...

– И что тебя теперь удивляет?

Иметь умную жену – большое преимущество, но иногда это уязвляет самолюбие и понижает самооценку.

В общем, загадка была разгадана. Можно было возвращаться к привычной жизни. И я вернулся, но сон все равно не шел у меня из головы.

Версия жены казалась правдоподобной, но я почему-то в ней сомневался.

Наверное, так проявляло себя уязвленное мужское самолюбие.

В общем, я решил поглубже изучить биографию всех четырех. Оказалось, что Тцара с Гретой разошлись только в 1937 году. Это, правда, ровным счетом ни о чем не говорило. Была загвоздка по-серьезней. Во-первых, Лоос окончательно вернулся из Парижа в Вену в 1928 году. Во-вторых, в 1932-м он уже тяжело болел. По-

следними его работами стали проекты той самой «нашей» виллы Винтерниц и нескольких квартир в Пльзне. То есть никакие чертежи вместе с Тцарой он в 1932 году рассматривать не мог.

Версия с ревнивой женой рассыпалась на глазах.

– Ты ко мне опять со своими парижскими друзьями? – насмешливо спросила жена, когда я предложил ей поудобнее усесться в кресле и выслушать меня внимательно.

– Да.

И я рассказал ей о своих находках.

– Ну это уже полный кавардак. То есть такая встреча физически не могла случиться?

– Получается, что так. Вернее, могла, но без Лооса.

– Может быть, он приснился тебе потому, что мы ночевали в построенном им доме?

– Не знаю. Не думаю.

– Тогда, если мы не привязываемся ко времени, ищи логические связи. Ты же знаешь, что сон – это небывалая комбинация бывалых впечатлений, – сказала жена и ушла жарить битки.

И как можно умудриться совмещать в себе совершенство во всем?

Я лег спать, чувствуя, что очередной день прожит не зря.

Но утром червячок сомнения продолжил свою работу.

Каких бывалых впечатлений, если до этого злополучного сна я ничего о Голловой не знал, Лоосом особо не интересовался, биографию Шимы знал лишь вскользь, и только Тцара был моей давней любовью?

Но в любом случае поиск логических связей был единственным выходом.

Итак, что могло связывать всех троих? С Тцарой и Голловой все понятно – они познакомились у Шимы в мастерской. Портрет Наташи работы Шимы, датированный как раз 1932 годом, хранится в региональной галерее чешской Йиглавы. Выбивается один Лоос.

Причем я был уверен, что он приснился мне не зря.

В общем, нужно было срочно досмотреть сон.

А для этого снова остаться на ночь в Вилле Винтерниц, заплатив за это удовольствие триста долларов.

– Тогда был наш юбилей. И вдруг тебе ничего не приснится? – разбилла моя надежды жена.

Снова потекли рабочие будни. Я написал пару очерков, сделал десяток коллажей, помог клиентам купить пару квартир и проконсультировал с десяток желающих оптимизировать персональные финансы.

Рабочая рутина затягивала. Несколько месяцев пролетели незаметно.

Иногда я забывал о своем сне совершенно, а иногда испытывал невероятный исследовательский зуд и желание во что бы то ни стало разгадать загадку.

И в один прекрасный день я все вспомнил.

Во второй, кажется, наш приезд в Париж мы жили на Монмартре, в квартире Рады Аллой, многолетней приятельницы Бродского. Показывая нам давно ставшие легендой достопримечательности своего округа, показала она и дом Тристана Тцары.

Он был спроектирован и построен Адольфом Лоосом.

Лоос, которому Тцара заказал в 1925 году проект шестиэтажного дома на авеню Жюно, 15, находился к тому моменту в самом зените славы. Он реализовал множество проектов, самым известным из которых был знаменитый дом «Голдман и Салач» на центральной венской площади Михаэлерплатц, прямо напротив Хофбурга. Дом этот, сразу же названный «домом без бровей», то есть без лепнины на фасаде, вызвал у современников шок. Его возненавидел сам император Франц Иосиф I. Говорят, чтобы его не видеть, он приказал навсегда задернуть шторы в одном из залов своего дворца. Стройку даже приостановили, но Лоос согласился декорировать окна фасада цветочными горшками.

Теперь этот дом, понятное дело, является культовым сооружением и одной из достопримечательностей Вены. Так же, как дом Тцары на Монмартре стал одной из достопримечательностей Парижа.

Итак, я увидел его впервые во время второго нашего приезда в Париж и сразу же подумал о том, откуда у авангардного поэта, выходца из румынской еврейской семьи Шмулика Розенштока, который из-за своего происхождения даже не мог до 1918 года

получить румынское гражданство, появилось столько денег, чтобы заказать дом наимоднейшему архитектору современности.

Ну подумал и подумал.

Пожалуй, самым эпатажным проектом Лооса парижского периода стал тщательно продуманный, но так и не построенный дом для великой Жозефины Бейкер. Великая танцовщица вдохновляла многих. Александра Колдера – на создание серии проволочных скульптур, Пикассо и Матисса – на новые холсты, Гертруду Стайн – на стихотворение. А великий Ле Корбюзье рисовал ее обнаженной, после чего построил свою знаменитую виллу Савой.

Лоос тоже не остался в стороне. В 1928 году он спроектировал для Жозефины дом – с мраморным фасадом в черно-белую полосу. Дизайн был совершенно революционным. Правда, он резко контрастировал с видом шато де Миланд – замка, который Бейкер купила десятилетием позже. То есть вряд ли ей понравился бы. Вероятнее всего, Лоос сделал этот проект в целях саморекламы, никак с Жозефиной при этом не контактируя, и хвастался им перед искушенной публикой.

В общем, если бы Жозефина узнала о том, что Лоос показывал проект публике, уверяя, что согласовал его с заказчицей, она бы точно вознегодовала.

Ну что же, это была вполне рабочая версия. Хотя, откровенно говоря, я сам не особенно в нее верил.

Вечером, усадив жену перед собой, рассказал ей о своей догадке.

– Возможно, в этом и кроется разгадка всей истории! – с напускной торжественностью сказал я.

Жена с трудом сдерживалась, чтобы не расхохотаться:

– Забавная версия, не выдерживающая никакой критики. Во-первых, Бейкер была бы только рада тому, что всемирно известный архитектор предложил свой проект ее дома. Если она не стеснялась танцевать обнаженной перед Ле Корбюзье и полными залами, что могло ее тут смутить? Во-вторых, зачем бы Лоос показывал свой проект Тцаре, если дом ему уже построил? Ну хорошо, не будем обращать внимания на такие условности, как время и последовательность событий. Но главное – разве Жозефина была такой высокой, как тебе казалось во сне?

Я был разбит в пух и прах. Но все же рассказал о своем давнем удивлении по поводу того, откуда Тцара взял денег на такую грандиозную стройку.

– А вот это уже гораздо интереснее, – ответила вдруг жена. – Вряд ли его заработки позволяли такое.

– Не позволяли, – уверенно ответил я, уже будучи подкованным в вопросе.

– Значит, или украл, или выиграл.

– Я тогда же об этом подумал. Но это, как ты сама понимаешь, нелепо и глупо. Украсть не мог точно, это невозможно было бы скрыть. А выиграть...

– А выиграть мог. Теперь думай, у кого и во что.

– Азартным игроком он не был, в отличие от...

– Маяковского? – вдруг сказала жена.

– Ну да... – ответил я, подумав о том, при чем тут Маяковский.

– При том. Кто специально водил меня в отель «Истрия», где он останавливался? Кто рассказывал, что история о том, как у него украли за минуту все деньги, звучит неправдоподобно?

Я был ошарашен.

А ведь правда, я во время той самой прогулки с Радой Аллой наверняка ввернул что-то о том, что в том же 1925 году у Маяковского в Париже украли все деньги, которые он так долго собирал для поездки в Америку, – двадцать пять тысяч франков, трехгодичную зарплату советского служащего. Это удивительная кража, совершенная за «двадцать секунд», когда он «вышел по делам моего живота», – так он писал Лиле Брик – до сих пор не дает покоя его биографам. И хотя неизменная его парижская спутница Эльза Триоле, описывая тот момент, когда Маяковский обнаружил пропажу, утверждала, что он «посерел», все же многие до сих пор думают, что он, азартный игрок, попросту проиграл эти деньги. Конечно же, это было никак невозможно, и за прошедшее немалое время об этом стало бы известно. Да, кстати, Триоле писала и о том, что в «Истрии» жили подолгу «художник-дадаист Пикабия с женой, художник Марсель Дюшан, сюрреалист-фотограф американец Ман Рей со знаменитой в Париже девушкой, бывшей моделью, по имени Кики и т. д.». А значит, бывал там и Тцара.

Писала она и о том, что Маяковский познакомился с отцом-основателем дада дома у супругов Делоне.

Вспомнив обо всем этом, я совершенно отчетливо вдруг понял, что разгадка полгода мучившего меня сна лежит на поверхности.

И ничего утешительного она не несет.

– Почему ты так погрустнел? – спросила удивленно и даже участливо жена.

– Ты была права. Все это – лишь небывалая комбинация бывалых впечатлений. А жаль...

– Поясни.

– Поясняю. Эта невероятная сцена, которая никогда не могла произойти в реальности, сложилась в моем сне как пазл из того, что я когда-то видел и слышал. Мы ночевали в доме, спроектированном Лоосом, – и из какой-то далекой ячейки моя память достала воспоминание о парижском доме Тцара, построенном Лоосом, и тут же напомнила мне о том, о чем я подумал тогда – как было бы забавно, если бы Тцара украл у Маяковского деньги и именно на них построил дом. Подумал и забыл. О Голловой и ее романе с отцом дада мне наверняка сказал при одной из первых встреч Банков. Во сне я почему-то представил себя Маяковским (что немудрено, поскольку я его люблю и хорошо чувствую), узнавшим о том, кто был тем самым ловким вором, и страшно разгневанным по этому поводу. Ну а вся парижская команда по законам жанра оказалась совершенно растерянной, потому что никак не ожидала Маяковского увидеть.

– Слушай, но ведь как красиво! Это точно не может быть правдой? Ну хорошо, Тцара не крал. Но выиграть он эти тысячи мог?

– Нет. Во-первых, Маяковский был азартным игроком с большим опытом, Тцара же ничем таким не увлекался. Играл он разве что в шахматы, в которые Маяковский, в свою очередь, никогда не играл. Во-вторых, даже если бы случилось невероятное, и Маяковский проиграл ему (ну допустим) крупную сумму денег, это точно стало бы известно.

– Ну как скажешь, – тоже разочарованно сказала жена. – А мог бы получиться замечательный сюжет для рассказа.

– Мог бы, но не получится. В общем, ставим крест на этой истории. Займусь другими, более полезными делами.

И я занялся, хотя по-прежнему сожалел о том, что сон не оказался пророческим.

У всего этого был как минимум один результат – я не на шутку увлекся проектами Лооса. Главным шедевром позднего периода его работы была вилла Мюллера, которая, к счастью, тоже находится в Праге, причем совсем недалеко от дома семьи Фиала, где жили и умерли двое сестер Давида Бурлюка, Людмила и Марианна. Визиты к Ольге Фиаловой, жене Владимира Фиалы, сына Марианны, были важной составляющей частью моей пражской жизни. Ольга была кладезем бесценной информации о Бурлюках и всем круге кубофутуристов.

Я решил совместить два удовольствия в один день. И в одну из дождливых февральских суббот я стоял перед входом на виллу Мюллер, держа в руках мокрый билет. На экскурсии нас было четверо, и обходить запрет фотографировать было сложно – все мы были на виду.

Через несколько минут я забыл о дожде на улице – внутри казалось, что на улице ярко светит солнце. Недаром Лоос так любил желтые занавески.

Все помещения виллы создавали и поддерживали ощущение праздника. Сочетания цветов были безошибочны. Светло-зеленый мрамор и белые стены в огромной гостиной, где установлен точно такой же кирпичный камин, как и на вилле Винтерниц; коричневая мебель и стенные панели – и снова белые стены в кабинетах, желто-белые с голубыми полосами стены и темно-розовый пол в детской, салатовый с розовым в столовой...

Все казалось точным, роскошным, но не избыточным.

А этот желтый цвет рам и дверей с наружной стороны? Один он способен привести в восторг.

Во времена Первой республики Франтишек Мюллер, директор строительной фирмы «Мюллер и Капса» из Пльзеня, преуспевал. Но в 1948 году к власти в Чехословакии пришли коммунисты, и в стране наступили темные времена. Мюллер умер всего через три года от отравления угарным газом. Его единственная дочь Ева эмигрировала, и в большом доме осталась одна жена Мюллера Милада.

В 1955 году вилла была национализирована. Сначала ее использовали в качестве хранилища для коллекций прикладного искусства Национальной галереи. В 1959 году вилла была окончательно конфискована. Миладе Мюллеровой выделили две комнаты и ванную, остальные части виллы стали офисами национальной компании по производству учебников. Вилла начала стремительно ветшать и разрушаться. Милада прилагала невероятные усилия для ее спасения, обращалась к европейским архитекторам. Все было напрасно. Но к середине 1960-х ситуация в стране начала меняться. Вскоре после смерти Милады, в апреле 1968-го, вилла Мюллер была объявлена объектом культурного наследия Чехословакии. После Бархатной революции виллу вернули в собственность Еве Матерновой, дочери Франтишека и Милады; в 1995 году Ева продала ее Праге. Реставрация началась в 1998 году.

Семье Мюллеров повезло больше, чем семье Винтерниц...

От виллы Мюллер до дома семьи Фиала на Оржеховке – рукой подать. Десять минут пешком. Пани Ольга уже ждала меня. Ей было почти девяносто, но она сохранила великолепную память и невероятную бодрость. И, как обычно, меня ждал ее фирменный яблочный пирог.

В этот раз мы говорили о двух приездах Бурлюка с женой Марусей в Прагу. Пани Ольга с улыбкой рассказывала о необычных Марусиных шляпках, о причудах Бурлюка – на устроенном в его честь в Клубе писателей торжественном обеде он вдруг потребовал дать ему кошерные блюда.

После чая с пирогом я рассказал пани Ольге о своей экскурсии по вилле Мюллера

Она заметно оживилась.

– Я была хорошо знакома с Миладой. Их дом построили в один год с нашим. Но, к счастью, на наш государство никогда не претендовало. Она иногда приходила сюда, в гости к Вацлаву с Марианной. Возможно, она даже видела Бурлюка – или в 1957-м, или в 1962-м.

Сам не знаю почему, но я решил рассказать ей о своем необычном сне.

Начиная с середины моего рассказа она все шире улыбалась, а под конец просто расхохоталась.

– Вы напрасно себя укоряли, считая свой сон игрой подсознания. Все было почти так, как вы увидели. Бурлюк во время первого своего приезда к нам рассказал много интересных вещей, попросив держать их в секрете. Прошло уже пятьдесят лет со дня его смерти, да и мне вряд ли долго осталось. Так что я считаю себя вправе кое-что рассказать. Вы же знаете, что Маяковский был в Америке в 1925 году?

– Конечно. Я даже был знаком с дочерью Маяковского Патрицией.

– Ну вот. Тогда, в 1925-м, Маяковский многое рассказал Бурлюку. Во-первых, он строго-настрого запретил ему возвращаться на родину. Во-вторых, рассказал об одном забавном эпизоде...

Она сделала драматическую паузу и продолжила:

– Маяковский познакомился с Тцарой еще в 1922-м в гостях у Робера и Сони Делоне. Они встречались несколько раз, и Маяковский даже хотел включить Тцару в состав «ЛЕФа». Тцара, зная страсть Маяковского к азартным играм и будучи любителем экстремов, сходу предложил Маяковскому сразиться в шахматы, выдвинув убойный аргумент – он ведь многократно играл в шахматы с самим Лениным...

Видя мое изумление, пани Ольга еще раз рассмеялась:

– Да-да, в цюрихском кабаре «Вольтер», откуда и пошел дадаизм. Разве вы не знали? Ленин в 1916 году жил ровно напротив этого кабаре и часто заходил туда. Он быстро познакомился со всеми – Тцарой, Хуго Баллем, Хансом Арпом, Марселем Янко. А с Тцарой он часто играл в шахматы – об этом есть множество воспоминаний. На этом тот и хотел сыграть, раззадоривая Маяковского, который в шахматы отказывался играть категорически. И в конце концов раззадорил окончательно. Маяковский проигрался в пух и прах, потеряв все, на что собирался поехать в Америку. Это было так унижительно для него, что никому, кроме Бурлюка, он об этом не рассказывал. Да и того попросил держать все в тайне. Я думаю, его решение сыграть с Тцарой было вызвано личными непростыми отношениями с Лениным.

Я сидел, не веря в реальность происходящего. Разве так возможно? Маяковский умер в 1930-м, Бурлюк – в 1967-м,

а мы в 2019-м сидим тут, в Праге, в доме, где бывали десятки знаменитостей, и пани Ольга рассказывает мне впервые – так хочется в это верить – тайну, которую мечтали узнать толпы исследователей творчества Маяковского...

– У вас великолепная память! – воскликнул я и осекся. Вряд ли кто-то обрадуется, когда даже комплиментом подчеркивают его возраст.

Не выказав и тени обиды, пани Ольга ответила:

– Кстати, Лоос тоже был шахматистом-любителем. Он активно играл в венском «Café Central», участвовал в турнирах с гроссмейстерами. Так что шахматная доска в вашем сне появилась неспроста.

Мне не терпелось рассказать обо всем жене. Я наспех попрощался с пани Ольгой, поцеловал ей руку и вылетел на улицу.

Как назло, жена вела очередной урок и не брала трубку.

Через час, дома, я усадил ее на диван и потребовал слушать, не перебивая.

Видимо, рассказ произвел на нее впечатление, потому что она действительно не перебивала, задав в конце лишь один вопрос:

– А что за непростые отношения были у Маяковского с Лениным?

Я торжествовал, но виду не показывал:

– Когда Маяковский написал свою поэму «150 000 000», он с автографом и «комфутским приветом» передал ее через Луначарского Ленину. Тому поэма категорически не понравилась, и он отчитал Луначарского, сказав, что автора нужно сечь за футуризм, а подобные поэмы издавать дважды в год крошечными тиражами. Правда, через два года похвалил Маяковского за стихотворение «Прозаседавшиеся», что стало широко известно. Смерть Ленина потрясла Маяковского, которому так и не удалось с ним встретиться и поговорить. Лиля Брик писала, что Маяковский всю жизнь сожалел об этом. Наверное, поэтому он и согласился сыграть с Тцарой – это ведь случилось уже после смерти Ленина.

– Наверное, ты прав, – сказала жена.

Такая похвала стоила тысячи похвал.

Неделю я не мог прийти в себя. Снова и снова перебирал в памяти все мельчайшие детали сна, пытаюсь понять, откуда я мог о них знать или слышать.

А еще через неделю жена неожиданно сказала мне:

– Послушай, у нас ведь скоро очередная годовщина. Давай снова переночуем на вилле Винтерниц?

И, помолчав, добавила:

– Может быть, и мне что-нибудь приснится?

